

ЗА НАУКУ

ОРГАН ПАРТКОМА, ПРОФКОМОВ, РЕКТОРАТА, КОМИТЕТА ВЛКСМ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 35 (294).

ГАЗЕТА ВЫХОДИТ
С 21 ФЕВРАЛЯ 1980 г.

ЧЕТВЕРГ, 3 НОЯБРЯ 1988 г.

Цена 1 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

31 октября прошло общестуденческое отчетно-выборное партийное собрание. С отчетом парткома АГУ о работе по выполнению решений XXVII съезда КПСС и задачах парторганизации в свете решений XIX Всесоюзной партконференции выступил секретарь парткома И. И. ШЕФЕР.

В результате тайного голосования в новый состав парткома АГУ были избраны следующие товарищи: В. П. ВАСИЛЬЕВ, зав. кафедрой биохимии; Л. А. ВИХРЕВ, редактор газеты «За науку»; Ю. А. ГАВРИСЕНКО, председатель студенческого профкома; Е. П. ГЛУШАНИН, ст. преподаватель кафедры всеобщей истории; П. Я. ДУГИСТ, зав. кафедрой физического

воспитания; А. А. КАПУСТИН, студент ЮФ; П. С. КАСЬКО, ст. преподаватель кафедры органической химии; Ю. П. МАЛЬЦЕВ, зав. кафедрой алгебры и математической логики; И. Я. МЕДВЕДЕВ, доцент кафедры алгебры и математической логики; В. Л. МИРОНОВ, ректор университета; А. С. НЕВЕРОВ, начальник НИС; А. П. САЖЕНКОВ, зав. кафедрой матанализа; И. И. ШЕФЕР, ст. преподаватель кафедры истории КПСС; С. Г. ШЕГЛОВ, зав. кафедрой истории КПСС.

Прошло первое заседание вновь избранного состава парткома. Секретарем партийного комитета АГУ по итогам открытого голосования вновь избран И. И. ШЕФЕР.

ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТЬ

Кабинет философии и научного коммунизма никогда не пустует. Тем более сейчас, накануне сессии. Вот и сегодня его торжественная тишина, приходящая вежкому книгохранителю, полнится шестом степенями: студенты готовятся к экзаменам.

Стал ли иначе студент больше читать Маркса, Энгельса, Ленина? Какой у него интерес к классикам — «программный» или искренний, глубокий, с попыткой донести «до основания, до корней, до сердцевины», найти ответы на живучие вопросы современности?

Г. С. Присяжная работает зав. кабинетом не первый год. У нее есть возможность проанализировать, меняется ли со временем отношение студентов к марксистско-ленинскому наследию, накладывает ли на него свой отпечаток процесс сегодняшнего обновления со всем множеством проблем, вопросов, противоречий, характерных для столь непростого периода.

— Это, конечно, мое субъективное мнение, но мне кажется, что интерес студентов в последнее время не возрос, — говорит Глафира Сергеевна. — Как раньше к нам приходили в основном за первоисточниками, так и сейчас читают большей частью только то, что на занятиях рекомендует преподаватель. Не чувствуется в работах исследовательского интереса. Не пытаются сравнивать разные издания, разные работы, различных авторов. Поиска не видно.

Конечно, это не относится абсолютно ко всем. Есть у нас и постоянные читатели, которые действительно «глубоко копают». Кстати, они и экзамены сдают го-

раздо лучше. Но таких — единицы. Большинство же бьется у нас от случая к случаю: подготовиться к какому-то экзамену, поработать над курсовой. Приходят с четкой заданностью, как говорится, от сих до сих. Хотя мы предлагаем: если не хватает того, что мы выдаем, пожалуйста — ищите на стеллажах необходимые материалы сами, мы поможем. Мало кто ищет...

Мнение Г. С. Присяжной разделяют студентки исторического факультета И. Пенерова и Л. Губарь, с которыми мы беседуем здесь же, в кабинете: девушки готовятся к экзаменам.

— Да, в основном берем только то, что нужно по программе. И не только потому, что на другое не хватает времени. Ведь чтобы углубленно изучать, скажем, Ленина, его прежде всего нужно понимать, — делится своими размышлениями Наталья Неверова. — Но прежде всего надо научиться его понимать...

— К сожалению, на занятиях не удается детально проработать ту или иную работу классиков, — говорит Люся. — Как то все это у нас хаотично, отрывочно. Системы определенной нет. Потому, наверное, и глубококого интереса.

Кабинет философии и научного коммунизма никогда не пустует. Но и переполненным он, увы, пока еще не бывает...

А. ЧЕРНИКОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, что нужно сделать, чтобы «научиться понимать» марксистско-ленинское наследие? Приглашаем к разговору преподавателей и студентов.

КОММУНИСТЫ! ГРАЖДАНЕ СТРАНЫ СОВЕТОВ! УТВЕРЖДАЙТЕ ПРАВДУ И ГЛАСНОСТЬ, ИСКОРЕНЯЙТЕ БЮКРАТИЗМ РУТИНУ И КОСНОСТЬ! (ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 71-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ).

Не с чьих-то слов она знакома с деятельностью «аппаратчиков» — сразу после окончания школы пришла на работу в Локтевский райком ВЛКСМ. Ей не казалось и не кажется, что люди там только «штапы протирают» и сидят на шее у государства. Нет. По ее мнению, все зависит только от людей, их личных качеств и стремлений, от желания работать, помогать другим.

КОРР. — Одя! Почему ты решила вступить в партию?

ОЛЬГА НИКИФОРЕНКО: — Когда работала в райкоме (и одновременно училась на заочном отделении ЭФ АГУ. Хорошо училась — ред.), то не раз была на открытых партийных собраниях. Поправилось, мне то, с какой открытостью и настойчивостью ставили и обсуждали вопросы коммунизма.

И когда первый секретарь райкома комсомола Н. Х. Батуев предложил мне вступить в партию, где-то уже подсознательно я знала, что сама хочу этого. Но все же сначала поговорила с отцом — он у меня коммунист. — Называла ему множество разных вопросов. И он долго рассказывал мне о том, какие проблемы решают коммунисты в их организации, какие требования предъявляются партийцам.

Через неделю я подала заявление. Правда, кандидатский стаж у меня затянулся, потому что переехала на очное отделение, и на факультете меня не знали. Но в начале этого учебного года меня приняли в члены партии.

КОРР. Это изменило что-то в твоей жизни?

О. Н. — Конечно. И даже многое. По крайней мере в моем сознании, в моей жизни. Я обязательно буду вести общественную работу. Сейчас — на факультете. Да и в будущем тоже. Я не знаю, какой из меня выйдет экономист, но думаю, что даже если будет что-то получаться, то все равно вернусь к работе в комсомольских органах...

КОРР. — Ты два года проработала в райкоме. Не

«... ОТЗВУК ДАВНИХ ЛЕТ »

ОН БЫЛ СЕКРЕТАРЕМ ячейки коммуны в Сретенках. Он видел Н. К. Крускую, Г. Димитрова, А. Косарева, Е. Ярославского во время учебы на курсах в Москве. С трибуны учредительной конференции был обвинен в связях с «врагом народа»...

Очевидец, участник тех событий все меньше и меньше. Но еще меньше знаем об их судьбах мы. Только сегодня проявился

необычайный интерес к судьбам этих людей. И, к сожалению, даже сегодня мы упускаем (часто просто не имеем из-за того, что документы либо пропали, либо до сих пор засекречены) возможность посмотреть на прошлое их глазами, чтобы осознать, что же и как происходило в те годы, о которых так много говорим, читаем.

Студенты исторического факультета решили, что не

стоит ждать, когда кто-то — может в очередной раз — напишет мемуары. Наверное, лучше размякать тех немногих, кто жив сегодня, и записать их рассказы, донести до других поколений. «Этalia история» — так называется неформальное объединение ребят, которое и занимается этим важным и нужным делом. Их цель: хотя бы из рассказов очевидцев вос- (Окончание на 2 стр.).

разочаровалась?

О. Н. — Нет. Мне только было труднее, чем другим, потому что среднего образования для этой работы слишком мало. Хотелось подняться до уровня ребят.

А работа мне очень пра-

достью. Вроде, все в райкоме у дел, чем-то заняты с утра до вечера. Но часть работы, особенно бумажной, вовсе не нужна. С этими бумажками иной раз некогда полностью выкладываться в работе с людьми. А ведь их (людей) при-

чего не нужно; старшекурсники заняты курсовыми, практиками с выходом на диплом, а первым курсам ничего, кроме дискотек и т. п., не требуется.

Работая в бюро, я очень хорошо почувствовала то, с каким трудом наши ребята «раскачиваются» на какие-либо мероприятия. Вот даже задумка есть, все разработано и подготовлено, а реакция — апатия. Не нравится? Так предлагали бы свое. Только с инициативой мы сталкиваться не приходилось.

По-моему, прав все-таки В. П. Кокорев, наш декан, что если завтра предоставится возможность свободного выхода из рядов ВЛКСМ, то 90 процентов комсомольцев выйдут, потому что организация им не нужна и они ей тоже. Останутся лишь те, кто и сегодня «тащит воз» всей работы на факультете.

КОРР. — А можно ли привлечь насильно тех, кто не хочет работать?

О. Н. — Насильно еще никого не заставляли. Вот выбирали, а выбранные не работали — такое было и есть. И у радových комсомольцев после такой «работы» бюро никогда не появится желания что-либо делать самим. Авторитет комсомола зависит только от нас.

Я сейчас занята по хозяйственной теме, времени — мизер. И все-таки не могла не согласиться с Т. Г. Луценко, нашим секретарем партбюро, что им к чему переключать свое поручение на другое, когда я все-таки год уже проработала в бюро и достаточно хорошо ориентируюсь. У меня был настрой уйти на бюро и заняться только учебой. Но подумала, что ведь и так скучно живем, чтобы оставаться «не у дел». Я не хочу сливаться с серой массой, жить только дискотекками. Пусть будет трудно, пусть ругают больше и чаще нас, членов бюро, но все-таки это — жизнь. Я даже не представляю себя вне этого.

НА СНИМКЕ: О. НИКИФОРЕНКО, студентка 4 курса ЭФ.

Фото М. Хаустова.

ПУСТЬ БУДЕТ ТРУДНО

вилась, хотя и была статистиком. Должность — так себе, вроде бы не значащая единица. Поэтому, когда приняла в кандидаты, я попросила, чтобы меня назначили ответственным работником. Тогда я могла бы отвечать за какой-то конкретный участок, курировать организации. Вместе с этим появляется необходимость — искать новые формы работы, чтобы и тебе, и людям было интересно.

Конечно, аппарат раздувать, С этим я согласна по-

ходит много и почти все — за помощью.

КОРР. — Тебе есть с чем сравнить сегодня работу комсомольского бюро ЭФ, ведь ты была в составе прошлогоднего бюро и отвечала за культурно-массовую работу. Кто набирает больше «баллов»: райком или бюро ЭФ?

О. Н. — Скажу откровенно: комсомольская жизнь в университете представлялась гораздо лучше, чем оказалось на самом деле. Такое чувство, что на факультете никому ни-

(Окончание. Начало на 1 стр.)
 Ребята приносили в редакцию записки в редакцию записки в редакцию...
 Федором Гавриловичем Дмитриевым (род. в 1913 году), который в 1932-1937 гг. находился на комсомольской, партийной и советской работе в разных районах Алтайского края. Его рассказы мы публикуем сегодня, накануне 71-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Революцию я не помню. Было мне тогда всего 4 года. Но зато запомнились митинги: они проводились в нашем селе всегда по-праздничному грандиозно, привлекали своей яркостью и взрывом эмоций всех жителей села. И, естественно, нас, ребятню.

Среди полуостертых временем воспоминаний о митингах особенно четко выделяются дни траура в январе 24-го, когда умер Ленин, в Сростках, как и во всей стране, наверное, проходил траурный митинг: а в школе нам, ученикам, вручали в этот день отрез красного ситца на рубашку, Красною.

Кончил я всего 4 класса нашей сельской школы и стал помогать отцу. Он был грамотным человеком (4 класса по тем временам считались настоящим образованием), немного позднее работал даже волостным писарем — должность выборная на сходке. В основном же по хозяйству занималась наша мать — женщина неграмотная, не видевшая, пожалуй, ничего, кроме работы (шестеро детей, да еще скотина во дворе).

В комсомол тогда принимали с 16 лет. А меня так тянуло в эту организацию, что я прибавил себе два года и в декабре 1927 меня приняли кандидатом, а уж в январе 28-го в комсомол. И уже в 29-ом избрали секретарем ячейки коммуны («Памя коммуны» — так она называлась в Сростках). К

тому времени в селе был народный дом — читальня, работали кружки: драматический, хоровой, антирелигиозный и другие. Для деревенского молодёжи все это было в диковинку — ткнулись к нам без всяких зазываний. А чтобы вы представляли себе, какими были в то время мы, я расскажу о нашей «войне» со священником.

Решили мы, комсомольцы, провести диспут с ним, представителем церкви. Да так, чтобы разгромить его в дух и прах. Иначе — по нашему представлению —

курсы счетоводов, но все равно занимался комсомолом. Я вырослел и одновременно «внутри», был более внутренне, приобрел какой-то жизненный опыт, и вполне осознанно в июне 32-го вступил в члены ВКП(б). Но поездка в Москву стала для меня настоящим университетом. Мы ведь не только сидели на занятиях и впитывали каждое слово преподавателей, не только помогали строить метрополитен, не только знакомились с городом, его музеями. Главное, нам довелось встречать,

уважения, этот человек не заслуживал. Был он исключительно принципиальным, твердым в решениях, личностью. И учился своей работе мы у него. А когда его репрессировали, то просто не верилось, в то, в чем его обвинили. Так мы и не поверили, но уже понимали, что доказывать что-либо бесполезно.

После окончания курсов в Москве вернулся я на Алтай, в Ребриху. Работы было много. Например, решили мы построить парашютную вышку — первую в селах Алтай, Постройли. Купили затем и планер на заработанные во время субботников деньги. И делали это не ради какой-то отчетности, как было много поз-

вошел и Алтай). И хотя я выступил с разъяснениями, что по своей должности обязан был контактировать с руководителем, против моей фамилии в списке были голоса «против». Так я оказался «за бортом» комсомольской работы. И кто знает, чем бы это кончилось, если бы не поддержка секретаря краевого комитета партии т. Гусева, который направил меня на работу в Ребриху.

Жизнь меня немало потренировала, и говорить об этом можно долго, потому что каждый день, встречаясь с разными людьми приносили что-то новое. Но вот о чем мне хотелось бы рассказать.

В коллективизации мы,

«ОТЗВУК»

и быть не могло. А священник-то образованный был — окончил духовную академию. Мы же, кроме своей неумеренной энергии, максимализма, да начального образования никакого «оружия» против него не имели. И не мы его, а он нас побил, положил на обе лопатки, доказав, что бог-то есть. Обиделись мы. И на заседании бюро постановили: «насолить» этому священнику.

Так «насолить», что теперь вспомнить об этом без улыбки нельзя. Постановление бюро выполняли втроем, В. Емельянов, А. Скорюхин и я. Нашли дохлую кошку и забросили в окно «революционного врага» — проводили антирелигиозную работу.

О нашем хулиганстве стало известно секретарю партийной ячейки. Сначала он посмеялся, а потом долго объяснял нам, что долгие кошки — это не аргумент и не метод борьбы с религией. Тогда мы все организовали сбор подписей за отлучение церкви от государства.

В ноябре 1932 г. направил меня в Москву на учебу комсомольских работников. И к тому времени уже работал секретарем в МТС, затем в Усть-Пристанском районе. Трудно было, но дело мне пришлось по душе и я, хоть и кончил

ся со старыми большевиками, разговаривать с ними. Был я и на заседаниях ЦК комсомола. Но все по порядку...

Был в то время в Москве клуб старых большевиков. Приглашали нас туда. В тот день отмечали 65-летие Н. К. Крупской. Но это был не просто вечер, где все сидели и слушали хвалебные речи. Выступил, конечно, с докладом Емельян Ярославский о деятельности Надежды Константиновны. Но самой приятной неожиданностью, подарком, вешним живым дух времени, стал приезд Г. Димитрова. Он только — только приехал в Союз из Германии, только-только освободился из тюрьмы и, узнав о юбилее Н. К. Крупской, поспешил на встречу. Мы любили каждое его слово (говорил он по-русски, хотя и с акцентом) и забрасывали вопросы, а он рассказывал о фашистах, о том, как выступил на суде...

На заседании ЦК комсомола нас пригласили по одному с курсов. В этом был большой плюс: мы всегда были в курсе работы комитета, так как знали об этом со слов того, кто, например, был там сегодня. Побывал там и я. Посмотрел на работу А. Косарева, первого секретаря. И могу сказать, что ничего, кроме

же, а для того, чтобы наши парни уходили в армию подготовленными. Поэтому немало среди наших земляков во время Отечественной войны было настоящих воинов, героев.

В 1937 г. образовался Алтайский край. Поэтому встал вопрос и о создании своей, краевой комсомольской организации. Целью месяца мы готовили конференцию, а накануне ее, буквально за день, был арестован Чуриков, который мы хотели избрать первым секретарем краевого комитета. Велел за ним арестовали и Соломатина, кандидата на должность второго секретаря. Оправдали их не так уж и давно...

Ситуация накануне конференции сложилась очень сложная, но мы все же нашли кандидатуру. А для меня «сюрприз» был еще впереди: при обсуждении кандидатур, внесенных в список для тайного голосования (их было обычно больше, чем вакансий в составе), выступил т. Михайлов и заявил, что я имел непосредственную связь с «врагом народа» Пантюком (один из секретарей Западно-Сибирского окружного комсомола, куда в состав

комсомольцы, принимали самое активное участие: стремился к стопроцентной цифре. Тогда, на военное, и начался тот процесс, когда мы вместо людей стали видеть только цифры и проценты — какая-то заразная болезнь, гигантомания.

А между тем в нашем селе коллективизация отозвалась довольно больно: 77 семей было выселено в Нарым. Из них только 5 — 6 семей можно было отнести к кулакам, т. е. они имели либо маслобойню, либо лавки и т. п. Но в число выселенных попадали те, кто просто не хотел вступать в колхоз. И погружали их на подводы (оставшиеся имущество становилось собственностью колхоза) и отправляли в обжитые места.

Я был из середняцкой, малоимущей семьи. Было у нас в хозяйстве 2 лошади, 2 коровы, 5 десятин земли. Если бы мы жили в центральной части России, думаю, что посчитали бы за кулаков. А тут спасло еще то, что отец спонжировал и нажил все своим трудом. К тому же он приветствовал политику партии и сам вступил в колхоз.

Я же вместе с комсомольцами ездил на подводе

по селу: обобществляли птицу. Тогда комсомолу отводилась большая роль в деле коллективизации. А без нее, я считаю, обойтись было нельзя. Другое дело, что папку перекуды, а нужно было считаться с мнением людей. Главная ошибка, на мой взгляд, в том, что мы слишком быстро хотели ввести свои «законы», подставляя себя и других. И этот стиль работы так «влезал» в нас, что и после долгие годы мы не представляли, что можно работать иначе.

Наше поколение боролось за правду все-таки в рамках устава; и Устава партии, и какого-то негласного, внутри каждого из нас. Потому что свои эмоции, сомнения прятали в себе — воспитанные временем Сталина, мы научились молчать о своем и говорить только «нужные» слова и мысли. И даже доклад Н. С. Хрущева на XX съезде восприняли очень настороженно, потому что был он, как гром с ясного неба. Поверили, конечно, потом, ведь факты отрицать не стоит. Но, видимо, сильна в нас была привычка молчания, что тогда при Л. И. Брежневле развитие демократизации было придержано, когда лидер партии боялся шагнуть дальше решений XX съезда, то и мы вместе с ним топтались на месте. Топтались, хотя видели, как начинает хромать хозяйство. Как падает дисциплина.

И радостно, что сегодня поднимаются вопросы для решения жизненно важных проблем в нашей стране. Радостно, что жизнь начинает бить ключом. И жалко, что у нашего поколения уже нет сил, чтобы активно помогать вам, молодежи, выполнять задания и решения последнего съезда пленумов партконференции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. После ухода на пенсию Федор Гаврилович Дмитриев работает в краевом совете ветеранов.

Материал подготовили В. РЫЖКОВ, А. БРОВКИН, М. ЛЕРУШ.

(Окончание. Начало в №№ 33-34).
 А. П. КОПОВАЛОВ: — Сейчас, когда стоит вопрос о переходе к правовому государству, нам не хватает юристов, социологов и психологов. А наш университет занимается подготовкой и выпуском бухгалтеров, хотя эта специальность скорее подходит для техникума. Университет же должен готовить экономистов-организаторов производства.

В. В. УЧАЙКИН: — Я хочу внести поправку. Нам ведь не хватает хороших врачей, хороших инженеров и т. п. Нужно насытить «рынок» качественными специалистами, чтобы они вытеснили некачественные, тех, кого тянули «за уши» и выпускали с тройками.

В. В. УЧАЙКИН: — У меня есть один фантастический проект, и если можно, я поделюсь с вами. Вот если бы обучение в вузе было кредитным. Т. е. на протяжении всей учебы студент ежемесячно вносит определенную сумму в кассу университета. А когда он отработал год на предприятии или в учреждении по распределению, то в этой организации проводят его аттестацию. Если он их устраивает, как специалист,

то накопленная за 5 лет сумма ему возвращается. Если аттестацию он не прошел, то предприятие, получающее компенсацию за плохо подготовленного специалиста, т. е. забирал эти деньги себе. В то же время выигрывает и университет, т. е. эти деньги за пять лет, что они были в обороте, принесли какой-то определенный процент прибыли.

Если студент не может выплачивать эту сумму, то он может пойти на это предприятие, где собирается работать, и попросить, чтобы оно вносило вместо него деньги. Только после окончания университета, выпускник не получит ничего, а если еще окажется в плохом специализированном, то будет расплачиваться с предприятием.

Ю. Н. МАЛЬЦЕВ: — А если его отчислят, то деньги не возвращаются? Значит, он будет заинтересован в получении знания в хорошей учебе.

В. В. УЧАЙКИН: — И не только он, но и его роди-

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» РЕДАКЦИИ

УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

тели. Но мне хочется задать вопрос — хотя это и не совсем по теме сегодняшнего разговора — вам нужен проректор по учебной работе?

А. Н. КОПОВАЛОВ: — Нет, не нужен. Как не нужны проректоры по воспитательной работе и по науке. Я считаю, что научную работу, например, можно вести на уровне кафедр.

В. В. УЧАЙКИН: — У меня, где-то были цифры. Любопытные. Административно-управленческий аппарат со всеми его вспомогательными службами по численности превышает количество преподавателей.

И я хочу внести такое предложение: нужны решительные шаги по организации ассоциации университетов, которая бы решала, например, вопросы финансирования. Но в первую очередь, ассоциация должна разработать новый устав, в котором бы и воплотились традиционные идеи независимости университетов от чиновников.

Никакие чиновники никогда не смогут лучше нас самих понять наши проблемы и найти решения. И создание ассоциации — дело общественности. Нам ведь не нужно, чтобы она стала еще одним комитетом при правительстве. Причем ассоциация должна создаваться не на уровне договоренности между ректорами, а на уровне настоящего желания коллективов.

Ю. П. МАЛЬЦЕВ: — Вы хотите сказать, что если ассоциация не будет создана, то АГУ обречен на прозябанье?

В. В. УЧАЙКИН: — Я хочу сказать, что мы являемся инструкциями. У нас даже нет перспектив. Госкомитет по народному образованию и Минвуз, по-моему, не в состоянии что-либо сделать. А ассоциация могла бы определить статус каждого Университета.

А. Н. КОПОВАЛОВ: — Да, пожалуй. Конференция этой ассоциации обсуждала бы все вопросы, разрабатывала рекомендации. И главное, это

лишило бы Минвуз и Комитет распорядительных контролирующих функций.

В. В. УЧАЙКИН: — Конечно, потому что контроль будет осуществляться ассоциацией. Я уже однажды предлагал на партийном собрании организовать и провести у нас конференцию, на которую собрать представителей Кемеровского, Новосибирского, Томского и др. университетов нашего региона по проблемам развития. А решения этой конференции нужно будет направить «наверх». И, не ожидая их резолюции, начать работу.

А. Н. КОПОВАЛОВ: — Поддерживаю полностью, потому что, если науку начинают регламентировать, то это уже не наука. Чиновник не должен решать за меня, чем мне заниматься.

Ю. Н. МАЛЬЦЕВ: — Мы действительно отклонились от темы, а хотелось бы, чтобы наши студенты, прочитав наш разговор, узнали что-то и сегодняшней

жизни в университете.

А. Н. КОПОВАЛОВ: — Главная задача на сегодняшний день — переломить сознание студентов. Чтобы они понимали, как таким отношением к учебе они будут пропускать мимо ушей лишние люди. Сегодня в системе практической деятельности от них будут отказываться, потому что «серый» специалист не нужен.

В. В. УЧАЙКИН: — Эту проблему мы должны решать одновременно с повышением социальной активности студентов, чтобы в них родилось желание и заинтересованность в форме высшей школы. Сегодня они говорят только о замене того или иного преподавателя, а настоящей социальной активности более высокого порядка в них нет.

Если же они примут участие в работе неформальных, к примеру, о б е д и н е н и й, почувствуют себя нужными в какой-то группе людей, значащей единицей, то должно в них проснуться и другое желание — быть не в последних рядах в учебе. А угроза того, что он когда-то еще будет ничемным, не поможет ему стать грамотной личностью.

Записала М. СТОЛБОВА.